

С.Н. Сенченкова

ХОЧУ К ШЕФУ!

Как я пришла в Лабораторию

В Лабораторию Н.К. Кочеткова я хотела попасть всегда. На химфаке в лаборатории А.Н. Коста, где я работала после III курса, имя Кочеткова звучало. Но мечта моя была призрачной, и я понимала, что такую разгильдяйку, как я, он никогда не возьмет. Тем не менее, свою мечту я постоянно озвучивала. И вдруг оказалось, что в общей компании есть человек, хорошо знакомый с Шефом, – Женя Яримбаш. Не ставя меня в известность, он поговорил с Шефом, и тот согласился со мной встретиться. К этому времени я уже заканчивала химфак и на меня была заявка из ИОХ, где я делала дипломную работу. Однако, одержимая идеей работать там же, где будущий муж, я шла в организованный незадолго до этого радиобиологический отдел (РБО) ЛИПАН.¹

Но упускать место у Кочеткова – нет, это было невозможно! К нему мечтали попасть все. Я не нашла ничего лучше, как послать к нему вместо себя подругу из моей же лаборатории. Он не стал с ней разговаривать, а Женя Яримбаш устроил мне за это ужасную «выволочку».

Три года я отработала в ЛИПАН, но меня тянуло в ИХПС. Узнав в мае 1965 года, что в Лаборатории Кочеткова появилась временная ставка (Кикоть на год уезжала в Африку), я незамедлительно подала документы на перевод из ЛИПАН в ИХПС. Пока оформлялись бумаги, я проводила время в Лаборатории, так как уже знала многих сотрудников. В это время шла активная подготовка к 50-летию юбилею Кочеткова. Шефа не то что любили – его

боготворили. Лялька Калиневич произносила слово «ШЕФ» с придыханием. Готовилась самодеятельность, рисовали и заказывали юбилейную медаль и т.д.

Окончательно придя в Лабораторию в августе, я слышала много отрывочных рассказов о том, как прошел день рождения Шефа. Не буду писать о том, чего сама не видела, но очень хотелось бы прочесть связные воспоминания об этом непосредственных участников этого события.

Атмосфера в Лаборатории была невероятно благожелательной. Работали «до упора», то есть не менее, чем до 9 часов вечера. Всегда был дежурный (дежурили по очереди все, кроме Шефа и Варвары Андреевны), в официальные обязанности которого входило уходить последним, все проверяя и выключая, а в неофициальные – обеспечивать чай, сахар и какие-нибудь сухари или сушки к вечернему сбору. Собирались в приборной комнате и за чаем обсуждали все, начиная от фильмов на кинофестивале до пятен на хроматограмме.

¹В России за закрытыми дверями может делаться, что угодно. В РБО были собраны генетики, которых громили на сессии ВАСХНИЛ 1948 г., а также физики, считающие, что все ключевые открытия делаются на стыке наук, и ринувшиеся в биологию. Все это происходило «под крылышком» директора Института атомной энергии им. И.В. Курчатова (он же ЛИПАН) академика А.П. Александрова и за высоким бетонным забором, куда Лысенко не было хода. В 1978 г. РБО стал Институтом молекулярной генетики АН.

Еще вначале. только устраиваясь в Лабораторию, я попросила Марьям Вафину обрисовать мне тех, кто в ней работает. Мы шли по коридору, впереди у стены стоял высокий парень, а рядом на столе сидел другой, и они что-то обсуждали. Марьям сказала, что мы только что прошли мимо двух гениев. Это были Усов и Бочков. Нельзя сказать, что тогда они произвели на меня хоть какое-то впечатление, однако впоследствии я не могла не согласиться с ее оценкой.

Иногда Шеф был суров. Как-то, зайдя в комнату, где работала Марьям, он во время разговора случайно поднял крышку дьюара для сухого льда и заглянул туда. Это был старый разбитый дьюар; от него сохранился только металлический корпус, в который складывали спортивную одежду для вечерних пробежек. Шеф совершенно «ошалел» и стал выкидывать оттуда треники, кеды, кроссовки и все остальное, что там было. Кричал при этом ужасно. Марьям в это время в комнате не было, а когда ей рассказали, она произнесла замечательную фразу, ставшую афоризмом: «Кричит – значит любит».

М.Г. Вафина

А.И. Усов и А.Ф. Бочков

Не могу сказать, что у меня сразу все пошло гладко. В одном из самых первых опытов мне надо было поставить хроматограмму, и я отправилась просить лист бумаги ЗММ для БХ к Бочкову, который отвечал в Лаборатории за реактивы. Он посмотрел на меня оценивающим взглядом, а потом сказал, что в эту бумагу очень плохо заворачивать масло – она промокает и на сгибах рвется. Марьям застала меня в туалете, где мои рыдания уже переходили в истерику. Узнав причину, она заявила, что я невероятная дура и что в ответ надо было потребовать три листа бумаги, сказав, что через три листа масло точно не протечет.

Впоследствии мы с Бочковым стали хорошими друзьями, и он неоднократно приходил мне на помощь в сложных ситуациях. Однако «схамить» он мог любому как нечего делать. Его конфликт с Шефом был тяжел не только для него, но и для всей Лаборатории. Как-то не хочется вспоминать о тех событиях ...

18.04.2008 г.